

Первым сражением была Курская битва, куда он попал в конце марта 1943 г в составе пополнения, которое состояло из призывников республик Средней Азии и курсантов Орловского пехотного училища. При распределении пополнения его направили в 369-й отдельный саперный батальон 235-й стрелковой дивизии, входившей в 3-ю армию Брянского фронта. Боевое крещение прошел, как и полагается уральцу, стойко и мужественно. Домой писал: «Обо мне не беспокойтесь: жив, здоров. Оказывается, дед недаром учил работать плотницким топором. Все на войне сгодилось, любой мужской навык необходим в тяжелой работе войны».

С этим батальоном он прошел дорогами войны до Восточной Пруссии и под Гданьском в Польше закончил свой боевой путь в звании старшего сержанта и заместителя командира взвода.

Вся «тяжкая работа войны» свалилась на плечи командира отделения саперов, старшего сержанта Булатова во время взятия Кенигсберга (ныне Калининград). Этот город немцы еще в средние века строили как цитадель, основной форпост воинственной во все времена Восточной Пруссии. Фашисты укрепили крепость новейшей техникой и оборонительными сооружениями. Рассчитывали, что любая атака пехоты на подступах к фортам с водными каналами захлебнется в шквальном огне обороняющихся.

И пехота действительно испытала на себе всю оборонительную мощь города-крепости. Атака нашей пехоты захлебнулась еще и потому, что шоссе было густо заминировано немцами мощными фугасами. Батальоны просили огня, поддержки танков и артиллерии, но техника всего-навсего продвинулась по шоссе к Кенигсбергу на полтора-два километра. От отделения старшего сержанта Булатова не осталось в строю и половины саперов.

Вот что рассказывает о том бое, за который он был удостоен звания Героя Советского Союза, сам Михаил Алексеевич.

«6 апреля 1945 года, когда наши войска закончили подготовку к атаке, командир 369-го саперного батальона капитан Тищенко вызвал меня к себе и приказал моему отделению произвести инженерную разведку шоссе Кенигсберг – Раушен на участке, непосредственно примыкавшем к городу. Выполняя приказ комбата, я вместе с тремя бойцами своего отделения перелез через бруствер траншеи первой линии и попластунски пополз вперед. За несколько сотен метров до шоссе гитлеровцы обнаружили нас. Раздались ружейные выстрелы, застрочил пулемет. Прижавшись к земле, мы упорно ползли вперед.

Поле было очень ровным, а расстояние между гитлеровцами, засевшими в домах, и нами, ползущими на виду у противника, слишком мало. Поэтому фашистские стрелки и пулеметчики очень точно вели огонь. Двое наших солдат было ранено, третий убит. Наскоро перевязав своих истекающих кровью товарищей, я продолжил ползти вперед по придорожному кювету.

Незаметно выбравшись на шоссе, я огляделся и вдруг заметил, что гладкое асфальтированное шоссе покрыто рваными, зазубренными кусками асфальта, плотно подогнанными друг к другу. Увидел, что асфальтовое покрытие сначала было взломано, а затем вновь настелено на то же самое место. С трудом отвалил крайний кусок асфальта и увидел под ним врытую в насыпь крупнокалиберную авиационную бомбу ве-